

В яичнице ощущался лёгкий сладковатый привкус, а в самой нежной части были вкрапления ветчины и зелёного перца.

Дун Чуань, выбрав зелёный перец палочками, попробовал блюдо, и во рту сразу почувствовался вкус сыра. Оба мужчины не были любителями разговоров, и завтрак прошёл в неловкой тишине.

После еды Чэн Пэнфэй сам убрал со стола. Сидя напротив, Дун Чуань не выдержал и заговорил:

— Тебя зовут Чэн Пэнфэй?

— Да.

— У тебя есть время позже? Может, репетируем сцену?

Чэн Пэнфэй кивнул, наливая в миску с горячей водой моющее средство.

Это был фильм, действие которого происходило в эпоху Республики, и сценарий написал лично режиссёр Чэнь.

История рассказывала о молодом аристократе и военачальнике.

Чэн Пэнфэй играл молодого господина Цзина, а Дун Чуань — генерала Гу.

Двое, выросшие вместе, выбирали разные пути: один ехал за границу и возвращался, чтобы посвятить себя революции, другой становился офицером, подавляя восстания.

— Две сцены самые сложные, я их отметил. Посмотри, если что-то непонятно.

Дун Чуань говорил прямо, но Чэн Пэнфэй не чувствовал себя оскорблённым, ведь перед ним был опытный актёр, и его советы были ценны.

Чэн Пэнфэй просмотрел сценарий и указал на одно место:

— В этой сцене моя эмоция должна быть гнев?

Это был момент, когда господин Цзин впервые узнал, что генерал Гу поступил в Хуанпуское военное училище, и письмо с известием пришло к нему домой.

— Нет, не гнев. — Дун Чуань терпеливо объяснил. — Первое, что он почувствует, — это страх. Генерал Гу вырос под опекой семьи Цзин, а сам господин Цзин — неопытный молодой аристократ, ещё не видевший новых идей. После страха придёт ощущение предательства. Если хочешь больше глубины, можно разделить это на три части...

Они репетировали, и их голоса, читающие реплики, разносились по комнате.

Чэн Пэнфэй не имел актёрского образования, и его мастерство произношения было слабее. Дун Чуань объяснял ему каждую деталь, понимая, что это его слабое место.

Чэн Пэнфэй был актёром, который полностью вживался в роль, что делало его персонажей уникальными, но одновременно лишало их собственной души.

— ...Возьмём, к примеру, прошлый спектакль. Чунь Чан — человек, которого несправедливо

обвинили, и он вернулся, чтобы отомстить. Но в глубине души он был полон боли и неуверенности, даже когда получил возможность отплатить. Ты же, с твоим характером, играешь его ярко, потому что людям нравятся истории о мести. Ты должен думать о персонаже как о реальном человеке, представлять, как он бы реагировал в таких ситуациях.

Чэн Пэнфэй, молча выслушав, налил Дуну воды:

— Ты смотрел мои спектакли?

— ...

Дун Чуань запнулся. Дело было не в этом.

К вечеру они закончили репетицию, и режиссёр Чэнь позвонил, чтобы они приехали на примерку костюмов.

Чэн Пэнфэй, не выставляя себя, следовал за Дуном, больше похожий на ассистента, чем на второго главного актёра.

— Чуань-гэ, — позвал гримёр.

Дун Чуань похлопал Чэн Пэнфэя по плечу и направился к гримёру.

Чэн Пэнфэй, оставшись один, уселся на диван и стал играть на телефоне.

— Пэнфэй-гэ, я Жумин, ассистентка Дуна. Твоя гримёрка рядом, давай я тебя провожу?

К нему подошла молодая девушка в платье.

Чэн Пэнфэй кивнул и последовал за ней.

Гримёрка была меньше, и людей в ней было немного.

— Ты Чэн Пэнфэй, да?

Мужчина с ярким макияжем, линия подводки почти доходила до висков, что вызывало у Чэн Пэнфэя головную боль.

Его образ для роли господина Цзина был почти естественным, почти без макияжа. Гримёр, известный как Да А, работал в съёмочной группе, чтобы заработать на косметику.

Да А разогрел гель для волос в руках и зачесал волосы Чэн Пэнфэя назад, обнажив его высокий лоб.

— Линия роста волос неплохая, — удовлетворённо сказал он, взяв бритву, чтобы убрать лишние волоски.

После нанесения тонального крема Да А начал ворчать:

— Ты что, мочалкой лицо мыл? Кожа такая тонкая...

Чэн Пэнфэй молчал.

Когда он надел длинный халат и посмотрел в зеркало, то почувствовал себя настоящим

аристократом эпохи Республики.

— Пэнфэй-гэ, готов? Фотограф ждёт, — постучала в дверь Жумин.

— Иду.

Они направились к съёмочной площадке, где уже видели Дуна в ярком военном мундире. Он был высоким и статным, и в мундире с массивными ботинками выглядел совершенно иначе.

Режиссёр Чэнь, взглянув на Дуна и Чэн Пэнфэя, остался доволен.

Фотографии Дуна получились идеальными, он был настоящей «вешалкой», и съёмка заняла всего десять минут.

С Чэн Пэнфэем возникли трудности.

— ...Пэнфэй, не отводи взгляд.

Фотограф, иностранец, сделал несколько снимков, но чувствовал, что что-то не так, и мог лишь сам менять свет и ракурсы.

Дун, стоя рядом, обмахиваясь веером, предложил:

— Если не хочешь смотреть в объектив, смотри сюда.

Чэн Пэнфэй поднял глаза, и фотограф тут же сделал несколько снимков.

После съёмки одиночных кадров Дун, взглянув на фотографии Чэн Пэнфэя, начал объяснять фотографу на английском, указывая на снимки. Его голос был низким и мелодичным, и это не выглядело неуместным в его образе офицера.

Закончив, он сел на стул, скрестив ноги, и его строгий вид сменился на более расслабленный.

Чэн Пэнфэй, видя это, встал рядом, слегка опустив глаза.

Дун, словно почувствовав его взгляд, отклонился на спинку стула и посмотрел на господина Цзина с выражением, полным желанием отдать всё и одновременно сделать его своим.

Их взгляды встретились, и только после слов фотографа «окей» они медленно отвели глаза.

— Завтра начинаем первую сцену. Вы хорошо разобрали сценарий? — спросил режиссёр Чэнь, закуривая сигарету.

— Вроде да.

Режиссёр Чэнь, вопреки своей обычной строгости, не ругался и не кричал, но мог бесконечно повторять один и тот же кадр.

Летом это было терпимо, и Чэн Пэнфэй, вылезая из реки, услышав, что нужен ещё один дубль, сам нырял обратно, не дожидаясь указаний.

В съёмочной группе к этому новичку, одному из двух главных актёров, относились с недоверием. Ведь он был полным любителем, без профессиональной подготовки.

Единственное, что вызывало уважение, — это его спокойствие и трудолюбие. На площадке он либо учил текст, либо слушал режиссёра, либо курил с Дуном в перерывах.

Он не создавал проблем.

— Три, два, один. Мотор!

Камера сфокусировалась на поверхности воды, и рука внезапно опустилась в воду, вытаскивая что-то тяжёлое. Это оказался человек, который, казалось, задыхался, хватаясь за руку.

— Господин... господин Цзин?

Господин Цзин поднял глаза, и в них отражалась ясность, как в лунном свете.

Это был момент наивысшего накала эмоций между персонажами. Чэн Пэнфэй, как и в жизни, медленно вживался в роль, неосознанно перенося характер персонажа на себя.

Режиссёр, наблюдая за этим, хмурился, а затем крикнул через мегафон:

— Снято!

Господин Цзин, только что смеявшийся с генералом Гу, тут же прекратил и посмотрел на режиссёра:

— Ещё раз?

— Нет. — Режиссёр потер виски. — Подойди, я тебе кое-что скажу.

Чэн Пэнфэй послушно подошёл и сел на стул перед режиссёром.

<http://bllate.org/book/15547/1413508>